

УДК 316.772.5

Информационное общество и общество знаний

*Кузнецов А.А., студент
кафедры «Лазерные и оптико-электронные системы»,
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана*

*Научный руководитель: Ореховская Н.А. д.ф.н.,
профессор кафедры «Социология и культурология»
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
orehovskaya@bmstu.ru*

Актуальность данной темы вызвана уменьшением количества трудоспособного населения России, ростом количества лиц с ограниченными возможностями (ЛСОВ) в общей численности населения, и, на этом фоне, необходимостью

Обозначение современного общества через понятия, связанные с информацией и со знанием начали постиндустриалисты, среди которых выделяются Д. Белл, Ф. Махлуп, Й. Масуда, П. Дракер и др. В частности, Д. Белл и П. Дракер писали как об информационном обществе, так и обществе знания[4]. И сегодня мы можем наблюдать, как одновременно по отношению к современным процессам и явлениям используются обозначения, отражающие специфику информационного общества и общества знаний. Можно ли говорить о синонимичности этих названий или в них отражены различные свойства общественной организации? Уяснение данного соответствия или несоответствия и является основной задачей настоящей исследовательской работы.

Теоретики информационного общества отождествляли информацию и знание. Ими были разработаны прогнозы развития информационного общества, которые практически не подтвердились. Увлеченность достижениями в компьютерной технике и технологиях отвлекла внимание исследователей от того факта, что за словом «информация» кроется именно коммуникация, а не знание. Даже компетентность не является знанием, а информированный человек – это скорее не тот, кто больше знает, а тот, кто чаще замечен в каких-либо коммуникациях. Для более конкретного различения сущностных характеристик информационного общества и общества знания обратимся к различиям на уровне понятий «информация» и «знание». Очень часто термин «информация» употребляется как синоним знанию. Однако Д.И. Блюменау приводит десять отличий знания от информации. В качестве родового он берет термин «сведения». И тогда знание –

это систематизированные, упорядоченные, устоявшиеся «сведения», а информация такими свойствами не обладает. Знания – это сведения, которыми обладает субъект; информация – все то, что так или иначе зафиксировано в знаковой форме». Информация – все то, что поступает в наш мозг из многих источников и во многих формах и, взаимодействуя там, образует нашу структуру знания[5]. Таким образом, знание – это обладание индивидом на уровне сознания некими емкостными свойствами, позволяющими трансформировать их с помощью ситуации или дополнительных средств (технологий, техники) в благо в самом широком смысле этого слова.

Знание как социальное благо постепенно занимает место среди базовых факторов, определяющих положение индивидов или групп в социальной иерархии (власть, престиж профессии, доход, собственность). В античную эпоху и Средневековье люди, обладавшие знаниями (как правило, прикладного характера), получали определенные привилегии. Но факт обладания знаниями в те времена практически был неподвластным человеку, тут господствовал принцип призыва человека к деятельности, одаренности его от рождения или наделенности талантом свыше. В истории человечества появлялись гениальные ученые, инженеры, первооткрыватели, подобные Архимеду, Микеланджело, Леонарду да Винчи и др., яркий талант которых был свидетельством скорее того, как знание являет себя человечеству.

Длительное время (до конца Средневековья) знание было уделом интеллектуалов-одиночек. В эпоху Возрождения еще сохраняется авторитет индивидуального знания. Однако в XV веке человек овладел искусством книгопечатания, и это привело к первому радикальному «прорыву» в сфере сохранения, распространения и передачи знаний. Это обстоятельство дало мощный толчок в развитии инженерной деятельности (однако на первых порах ценностные ориентиры этой деятельности еще тесно связаны с ценностями ремесленной технической практики). На протяжении шести веков достигнутый уровень оставался без принципиальных изменений, даже, несмотря на появление телефонной связи, радио и телевидения. Таким образом, начиная с Нового времени (от Декарта), человечество обрело способность распоряжаться научным знанием, распространять и делиться им. Социальная ценность знания (в том числе и инженерного) постоянно растет. На него распространяются рыночные законы: получения прибыли из знания, создания условий дефицита знания с возможностью эксплуатации его в виде интриг различного уровня, внедрения знания в проекты, в техническое и социальное конструирование (в качестве примера можно привести политику послевоенной Японии, которая заключалась в

развитии непродушенной сферы; в связи с этим Страна Восходящего Солнца получила огромную прибыль за счет развития и накопления научных знаний).

Увеличение знаний, особенно о сущности человеческой личности и человеческого социума, превращает само знание в основной ресурс социальных преобразований и изменений. Появляются группы людей, владеющие знаниями высокого уровня (научными, истинными), и группы людей, низкий уровень знаний которых позволяет использовать по отношению к ним технологии воздействия[3]. Это уже напрямую затрагивает проблему свободы личности в современном обществе знания. Именно знание обеспечивает личности свободу и самостоятельность. В то время как информация снижает уровень самостоятельности, вернее ограничивает личность при принятии решений (например, с точки зрения теории риска, информация как в недостаточном количестве, так и в избыточном, способствует повышению уровня энтропии, неуверенности).

Превращение знаний в важнейший фактор общественного развития сказалось и на мировой экономике. Так, например, для группы развитых стран, входящих в организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), темпы базового долгосрочного роста экономики зависят от поддержки и расширения глобальной базы знаний, ставших возможными в условиях информационного общества. Сегодня эти страны развивают свои экономики, базирующиеся на знаниях, создавая миллионы рабочих мест, связанных с использованием новейших знаний по группам неожиданно открытых новых направлений и дисциплин. Процесс глобализации ускоряет эти тенденции. Сравнительные преимущества национальных экономик уже в меньшей мере определяются богатством природных ресурсов или дешевой рабочей силой и все больше — конкурентным применением знаний и научными инновациями (данная ситуация характерна для современной Японии, которая не обладает необходимым количеством ресурсов, однако поддерживает экономику на высоком уровне за счет развития научных кадров и внедрения в общественную жизнь новых технологий). Общественный прогресс сегодня определяется, прежде всего, процессом накопления знаний, что в результате обеспечивает накопление капитала. В странах ОЭСР объемы капиталовложений в нематериальные активы, формирующие национальные базы знаний, в частности в профессиональную подготовку кадров, научные исследования, патентование и лицензирование, программное обеспечение для вычислительных систем, маркетинг, равны капиталовложениям в основные фонды, а иногда и превышают последние (например, в 2009 году затраты на научные исследования и разработки в России составили 730 млрд рублей; эти затраты сопоставимы с затратами на развитие нефтяных месторождений)[1].

Однако наше развитие, как общества знаний, несет в себе и определенные негативные моменты. Например, использование знаний и информации как определяющей продуктивной силы в пользу преимущественно развитых стран и крупнейших транснациональных компаний приводит к тому, что во всем мире, как внутри отдельных стран, так и между ними, увеличивается неравенство прибылей. Также увеличивается разрыв в сфере развития и использования информационных технологий между развитыми странами и остальным миром, между различными слоями населения внутри стран — богатыми и бедными, молодыми и пожилыми людьми, здоровыми и инвалидами и т.п. Это явление известно как цифровое распределение (Digital Divide), или цифровое неравенство[2]. Цифровое неравенство определяет способность стран или отдельных слоев населения в соответствующих пределах использовать, адаптировать, генерировать и распространять знания. Информационное неравенство существует и внутри отдельных стран, определяя его последующее измерение. Технологические изменения приводят к тому, что некоторые группы населения, которые и так были лишены современных возможностей цивилизации, отделяются от элитной части населения еще больше, а доля первых в большинстве стран мира постоянно возрастает. К этой группе людей, прежде всего, относятся семьи с небольшим благосостоянием, крестьяне, люди преклонного возраста, инвалиды, а в некоторых странах — еще и представители этнических меньшинств и женщины.

Таким образом, можно сделать вывод, что проведенный сопоставительный анализ особенностей влияния на общественные процессы информационной компоненты и знания позволил установить, что широко распространенное сейчас видение общества знаний как следующей фазы информационного общества видится нам не совсем корректным. Попытка назвать определенный исторический этап развития общества термином «информационное общество» не является обоснованной. Наиболее точным отражением специфики общественных изменений было бы название «общество знания». На данный момент мы наблюдаем отголоски недавно произошедшей информационной революции, которая вывела наше общество знаний на новый уровень. Теперь оно несет человечеству не только новые возможности, но и вызовы, которые требуют активного участия всего мирового сообщества в осмыслении и воплощении в жизнь новой парадигмы.

Список литературы

1. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний. От эпохи модерна к информационному обществу. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 431 с.

2. Блюменау Д.И. Информация и информационный сервис / Д. И. Блюменау. – Ленинград : Наука, 1989. – 192 с.
3. Згуровский М. Общество знаний и информации — тенденции, вызовы, перспективы/
http://gazeta.zn.ua/ECONOMICS/obschestvo_znaniy_i_informatsii_tendentsii_vyzovy_per_spektivy.html
4. Каменская Т.Г. Информационное общество и общество знания – Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко №12 (199), том 2, Ч. I, 2010
5. Ореховская Н.А. Массовое сознание как объект информационно-коммуникативных PR-технологий.- М.: Изд-во «Этносоциум», 2010.-С.350.